

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

Чингиз Абдуллаев

*Ни один из генералов
даже не мог
предположить, что
день «Х» наступит
уже завтра, когда
американские
ракеты разнесут
лабораторию,
которую так долго
искали все разведки
мира. А потом
окажется, что все
это было напрасно...*

Алтарь
победы

ЭКСМО

Физули Гусейнов

Чингиз Абдуллаев

Алтарь победы

«PEN-клуб»

2010

Абдуллаев Ч. А.

Алтарь победы / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2010 — (Физули Гусейнов)

Американские спецслужбы дали ему кличку Альпинист, российские – Ветеран. Раньше он служил в КГБ, потом – в органах безопасности Азербайджана. Теперь же он внедрен в неуловимую террористическую организацию, базирующуюся в горных пещерах Афганистана. Так кто же он на самом деле? Пожалуй, Физули Гусейнов и сам затруднится с ответом. Но это не важно, имеет значение лишь его задача. Тайная лаборатория террористов по производству «грязного» ядерного оружия уничтожена, но два контейнера с готовыми «изделиями» исчезли в неизвестном направлении. Рано или поздно они где-нибудь всплывут, поставив под угрозу жизни тысяч людей. Этого нельзя допустить. И тогда придет час Ветерана – именно он окажется в роли оружия возмездия...

Чингиз Абдуллаев

Алтарь победы

«Путь к небу залит слезами и кровью, завален развалинами и трупами, нагроможденными фанатизмом».

Пьер Буаст

«На глазах старика выступили слезы. Проклятая война разрушила не только его страну, но и все его уважение к самому себе и к человечеству. Что за нелепое, нарочитое притворство лежит в основе таких понятий, как семья, культура, история, если все это так легко разрушить, смешать с грязью. А ведь все это – Господь! Господь сделал это, воспользовавшись северянами как орудием».

Эдгар Доктору. «Марш»

«Нет нерушимых заветов, ни тех, что от Бога, ни тех, что от пророков.

Кто убивает во имя правды или хотя бы верит в свою правоту, не знает вины.

Не заслуживает содеянное человеком ни адского пламени, ни благодати небесной».

Хорхе Луис Борхес. «Фрагменты апокрифического Евангелия»

Карачи. Пакистан. За четыре месяца до дня «Х»

Двое мужчин сидели в пыльном подержанном «Ситроене», глядя на стоявший в пятидесяти метрах от них внедорожник «БМВ». Примерно полтора часа назад этот внедорожник припарковался у трехэтажного здания в Карачи, выпустив из своего салона троих мужчин. Водитель остался за рулем, а троица вошла в здание. Двое молодых, очевидно охранники, оглядывались по сторонам, не очень скрывая своей обеспокоенности. Третий, похоже, их хозяин, был невысокого роста, тучный, с подвижным, живым лицом. У него были почти сросшиеся брови, смуглое лицо и красивая черная борода, за которой он явно следил – борода была подкрашена черной иранской хной.

Через некоторое время после того как мужчины вошли в здание, сидевший за рулем «Ситроена» мужчина, которому было за пятьдесят, обратился к другому, которой был заметно моложе него. Первый был типичный англосакс, высокий бледнолицый шатен, со светло-голубыми глазами и в очках. Установить национальность второго было довольно сложно. По отцу он был индейцем из Боливии, а по матери – арабом; она была родом из Египта, причем ее отец был арабом, а мать – эфиопкой. В нем причудливо сочетались черты различных народов и рас, а темной кожей он был даже похож на местных жителей. Но по образу мыслей он был стопроцентным американцем, известным под именем господина Эхидо. Сидевший рядом с ним человек был сотрудником известной американской инвестиционной компании, уже несколько лет работающим в Исламабаде, что являлось обычной «крышей» для сотрудника ЦРУ. В этой стране его знали под именем Джастина Бруланда.

Они приехали сюда еще до того, как у здания припарковался «БМВ».

– Слишком долго, – заметил Бруланд, – вам так не кажется?

– Нормально, – ответил Эхидо, не поворачивая головы и глядя перед собой, – им есть о чем поговорить. Не забывайте, что он не был здесь уже несколько месяцев.

– Мне показывали его досье, – сказал Бруланд. – Должен признаться, что оно не вызывает у меня никаких положительных эмоций. Он готов работать на кого угодно, лишь бы ему платили.

– Большинство людей похожи на него, – усмехнулся Эхидо, – я давно понял. Деньги не имеют никакой морали. А большие деньги способны купить кого угодно и что угодно. Это универсальный закон. Кажется, Цицерон считал, что нет такой силы, которую нельзя было бы одолеть большими деньгами.

– Вы полагаете, что в нашем мире уже не осталось никаких моральных принципов?

– Абсолютно никаких, – равнодушно ответил Эхидо, – все это глупая химера. Каждый устраивается как может. Важен только размер оплаты. Каждый выбирает своего «спонсора» в этом мире.

– Даже мы?

– Разумеется. Просто мы немного умнее, чем наш уважаемый Мумтаз Рахмани, которого мы сейчас ждем. И нам повезло больше, чем ему. Он умудрился сделать так, что о его предательстве узнали все, кто не должен был этого узнать. И друзья, и враги. А нам повезло, что мы работаем на свою страну, на самую могущественную разведку в мире, получаем достойные деньги и хорошую защиту, что в нашем мире оплачивается весьма дорого. Но я всегда помню о том, что любой из моих напарников, любой из тех, с кем я работаю, любой из моих начальников или сотрудников – в любую секунду может меня предать. И это меня не удивит и не оскорбит. Если им предложат достойный эквивалент их предательства, они сдадут меня, не раздумывая.

– Так можно оправдать любое предательство, – меланхолично заметил Бруланд.

– Конечно, – Эхидо наконец повернул голову и взглянул на своего собеседника, – нужно быть готовым к тому, что вас могут сдать в любой момент. Это специфика нашей профессии и нашей работы. Когда в мире столько конфликтов и столько денег, было бы наивным полагать, что кто-то может остаться в стороне. Раньше работа шпионов была романтической, сейчас она сугубо экономическая. Романтика, патриотизм, долг, честь, верность – все это глупые и никому не нужные символы. Действуют только прямая выгода и соображения личного характера.

– В таком случае, что здесь делаем мы?

– Работаем, – рассудительно ответил Эхидо, – мы профессионалы и должны делать свою работу. Мы не продаемся не потому, что мы такие принципиальные и порядочные. Просто не хотим рисковать своей карьерой, жизнью, работой, положением. И, как профессионалы, мы понимаем, что в нашем мире предательство быстро вычисляется. Довольно быстро, если вы пытаетесь что-либо сделать в одиночку. Я ответил на ваш вопрос?

– Очень своеобразно, – улыбнулся Бруланд. – Тогда получается, что мы заранее обречены на поражение?

– Почему?

– Любого из наших людей можно купить, предложив им больше денег. А фанатиков, с которыми мы боремся, купить невозможно.

– Глупости. Им как раз предлагают самые большие гонорары.

– Простите. Я вас не понял. Я говорю о «смертниках». Их наши деньги не интересуют. Им вообще не нужны эти бумажки.

– Я тоже говорю о них, – ответил Эхидо, – как раз об этих смертниках. Их «взятки» гораздо больше наших. Им обещают рай в другой жизни, неземное блаженство. Если хотите – это тоже своеобразная форма подкупа, только в другом эквиваленте. По большому счету, они получают в миллион раз больше нас. Вечную жизнь в раю. Очень впечатляет. Иначе они столь охотно не стали бы жертвовать собой.

– У вас своеобразная логика, – сказал Бруланд, – я об этом никогда не думал.

– А вы подумайте, – посоветовал Эхидо. – Никто и ничего не хочет делать просто так, из любви к ближнему или из-за своих идеалов. У нас есть некое чувство долга и корпоративная солидарность, которая с каждым годом значит все меньше. А верующие мусульмане имеют очень мощные стимулы, которые их руководители охотно используют. Тот же Мумтаз Рахмани

заранее пообещал всем своим людям прямую дорогу в рай. Такое ощущение, что у него есть прямой контакт с потусторонним миром.

– Вы давно знаете этого типа?

– Довольно давно. Уже несколько лет. Типичный прохвост, прикрывающийся религией. Нам казалось, что мы сможем его использовать, но он оказался полным идиотом. Сначала умудрился провалить операцию, которую мы готовили почти два года, потом не сумел разгадать примитивный план своих конкурентов. Он послал им сообщение, что повредил ногу и даже не выходит из дома, а они применили типично азиатскую хитрость – подожгли его дом. Он сразу выбежал спасать свое имущество. И совсем не хромал. Такая вот глупая варварская уловка, на которую он попался.

– И вы решили его «списать»?

– Не только мы. Хотя не скрою, что я тоже был сторонником именно такого решения. Но в нашем деле ничего не должно пропадать без пользы. Этакое безотходное производство. Смерть нашего бывшего агента должна быть использована в наших интересах. Иначе это просто очередной провал одного из наших людей. И моя личная неудача. А это вредит и моей карьере, и нашему общему делу.

– Кажется, я понял, – кивнул Бруланд, – ничего личного. Только бизнес.

– Он ошибся, – упрямо повторил Эхидо, – и уже не в первый раз. Одну ошибку можно было простить, но когда человек не хочет учиться и упрямо повторяет свои ошибки, он необучаем. Он не хочет меняться и не хочет ничего понимать. Значит, он обречен.

Едва он закончил фразу, как показалась уже знакомая троица. Один из охранников вышел из дверей, осмотрелся по сторонам и сделал знак. Следующим вышел еще один охранник, а уже затем сам Мумтаз Рахмани с «дипломатом» в руках. Было заметно, что «дипломат» довольно тяжелый. Они прошли к машине и сели в нее.

– Он неисправимый кретин, – убежденно произнес Эхидо, – даже не проверил «дипломат», который ему вручили. Убежден, что, кроме денег, там еще какой-нибудь «сувенир» для нашего друга. Но он так уверен в том, что ему здесь ничего не грозит.

– А если там только деньги? – предположил Бруланд, заводя мотор, чтобы последовать за внедорожником.

– В таком случае он умнее, чем я думал, а его наниматели глупее, чем мы предполагали, – ответил Эхидо, – но мне сложно поверить, что я дважды ошибся. В любом случае теперь мы все проверим весьма скоро. Они выедут из Карачи на запад минут через сорок. Значит, примерно в это время все и должно произойти.

– Вы не допускаете возможность того, что он откроет «дипломат» еще раньше?

– Зачем? Он уверен, что там деньги. Я даже думаю, что там действительно деньги и ему их показали. А взрывное устройство может быть спрятано где-нибудь в крышке чемоданчика, чтобы не волновать его раньше времени. Там наверняка помнят о его жадности. Не нужно подъезжать к ним слишком близко. Мне не хотелось бы прощаться с этим типом.

Бруланд усмехнулся, чуть сбавляя скорость.

– Они могут от нас оторваться, – предупредил он.

– Ничего, – успокоил его Эхидо, – мы все равно догоним их автомобиль.

– А если ничего не произойдет? – еще раз спросил Бруланд.

Эхидо, глядя перед собой, шумно выдохнул. Затем взглянул на своего собеседника.

– Значит, я ошибся дважды, как я вам уже говорил, и моя задача – не ошибиться в третий раз за день. Если нашему другу удастся выехать отсюда, то в районе Уткала его ждут другие «друзья», которых мы заранее предупредили. Прямо на дороге. Насколько я знаю, там два гранатомета. И вряд ли его внедорожник избежит прямого попадания.

– Вы все предусмотрели, – понял Бруланд. – Значит, у него не осталось ни единого шанса?

– Ни одного, – весело подтвердил Эхидо, – он – отработанный материал, и нам выгоднее сдать его, чем оставлять в живых. К тому же он мой большой должник; я сделал для него больше, чем любой из его родственников. Не удивляйтесь. Я сумел вернуть в их семью тело его погибшего родственника. Пришлось торговаться с талибами, но тело я нашел и вернул. Мумтаз Рахмани клялся, что никогда не забудет моей помощи. Надеюсь, что он подтвердит эти слова и в аду, куда наверняка попадет уже минут через тридцать.

Внедорожник «БМВ» скрылся за углом. Бруланд немного прибавил скорости.

– Не нужно, – снова попросил Эхидо, – если они почувствуют, что за ними следят, то могут насторожиться.

Бруланд снова сбросил скорость. Их пыльная машина не первой свежести совсем не выделялась среди остальных автомобилей, двигавшихся по улицам Карачи. Мистер Эхидо достал телефон, набрал номер.

– Добрый день, – весело сказал он, – я могу узнать, как чувствуют себя наши друзья? Они благополучно долетели?

– Все в порядке. Они уже дома, – ответили ему.

– Спасибо. Я очень волновался, – он убрал аппарат в карман. – Все, – убежденно сказал он, – его ждут. Если он сумеет выехать из Карачи живым, то дальше Уткала он не проедет.

Прошло еще минут тридцать. Они выехали на южное шоссе, идущее параллельно побережью Аравийского моря. Бруланд посмотрел на своего партнера.

– Может, мы ошиблись? – осторожно спросил он.

Эхидо угрюмо молчал, глядя вперед.

– Они недалеко, – сообщил Бруланд, – наверняка где-то останавливались. Может, он где-то оставил свой чемоданчик?

Эхидо по-прежнему не отвечал. Бруланд посмотрел вперед. До внедорожника было метров сто или чуть меньше. На шоссе было не так много машин, и внедорожник выделялся.

– Притормозите, – попросил Эхидо, посмотрев на часы, – пусть они отъедут подальше. В любом случае нам не нужно быть свидетелями этого происшествия.

Бруланд притормозил и свернул на видневшуюся бензоколонку. Он взглянул на уровень бензина и подумал, что нужно заправиться.

– Я понял, где они останавливались, – сказал Бруланд, – их внедорожник тратит слишком много бензина на дорогу оттуда и обратно. Наверное, они заправлялись.

– Возможно, – кивнул Эхидо, – но в любом случае...

Он не успел договорить. Мощный взрыв прозвучал на шоссе, подбросив и разворотив внедорожник. Пострадали еще несколько автомобилей. В салоне «БМВ» не выжил никто. Даже отсюда были слышны крики. Машина загорелась. Сразу несколько машин столкнулись, налетая друг на друга.

– Вот и все, – удовлетворенно сказал мистер Эхидо, глядя на поднимавшийся в небо столб дыма, – наш друг теперь разговаривает с ангелами. Что и требовалось доказать. Я думаю, мы можем повернуть обратно. Оказывается, я не ошибся. Все произошло так, как я и предполагал. С задержкой в четыре с половиной минуты. Но там, очевидно, тоже есть профессионалы, которые посчитали время с учетом заправки машины нашего друга Мумтаза Рахмани. Все рассчитали правильно. Ведь по дороге в Карачи он должен был потратить почти весь бензин и обязательно заправиться по дороге обратно. Они даже лучшие профессионалы, чем я мог предположить. Ведь залив полный бак бензина, Мумтаз Рахмани и его телохранители сделали из своего автомобиля еще лучшую бомбу, чем мы могли предположить. И поэтому взрыв получился таким эффективным, – весело закончил он.

Брандивайн. Штат Мэриленд. Соединенные Штаты Америки. За три месяца до дня «Х»

Считалось, что основное здание Центрального разведывательного управления, находящееся в Лэнгли, и было штаб-квартирой самой крупной разведслужбы мира, адрес которой

знали во всем мире. На самом деле самые засекреченные службы и отделы были размещены в разных местах страны, некоторые даже на другом конце американского континента; об иных не знали даже многолетние сотрудники ЦРУ. Были и такие, о которых не знали даже прежние руководители этого ведомства – ведь агентурные разработки вели лично заместитель директора по агентурной работе и сам директор ЦРУ, который считался политической фигурой и не имел права знать подлинные имена самых засекреченных агентов, только их клички.

В небольшом городке Брандивайне, находящемся недалеко от Вашингтона, располагался тот самый отдел, который занимался внедрением агентуры. В частности в «Аль-Каиду». Учитывая возможности оппонентов, которые не жалели ни денег, ни сил, имели многочисленных сторонников по всему миру, было решено перевести эту службу, возглавляемую Патриком Расселом, в Брандивайн, где в неприметном трехэтажном здании и работали сотрудники Рассела. Именно сюда приехал один из тех реальных руководителей разведслужбы, которые не зависят от политической конъюнктуры и возглавляют направление тайных операций, определяя внутреннюю и внешнюю политику самого сильного государства в мире. Роберт Эйсинджер прибыл в Брандивайн сорок минут назад и по правилам конспирации пересел в другую машину, которая прибыла к основному зданию еще через полчаса.

Эйсинджер и Рассел были теми людьми, которые уже давно разрабатывали операцию «Внедрение». Сразу несколько агентов были подготовлены и направлены в Афганистан для проникновения в организацию, считающуюся особо опасной. Агентов ожидали нелегкие испытания, поэтому они проходили сложный отбор и тщательную проверку.

Сразу после одиннадцатого сентября перед ЦРУ и Агентством национальной безопасности была поставлена задача по внедрению своей агентуры в структуры не только «Аль-Каиды», но и всех крупных мусульманских организаций. Двадцать первый век начался одиннадцатого сентября, и весь мир с нарастающим ужасом осознал, что страшные войны прошлого с их массовыми потерями и миллионами жертв могут оказаться лишь прелюдией к еще более страшным трагедиям и потрясениям, которые ждут человечество в новом веке. Стало ясно, что вектор противостояния сместился, и теперь основными соперниками будут не Соединенные Штаты и Советский Союз, канувший в Лету, а западная цивилизация с ее христианско-либеральными ценностями и мусульманская цивилизация с ее ортодоксально-нравственными установками.

Именно тогда, когда самолеты, захваченные террористами, врезались в башни Торгового центра и падали на Пентагон, перед разведслужбами Соединенных Штатов встал конкретный вопрос – что делать дальше? Вторжение в Афганистан и последующее вторжение в Ирак были лишь видимой частью айсберга. Разведслужбы всех западных государств, их контрразведки, электронные системы слежения, все спецслужбы западного мира резко усилили свою деятельность и в результате смогли предотвратить целый ряд крупных террористических актов, среди которых самым ужасным по своим последствиям и масштабам должна была стать одновременная атака на самолеты, выполнявшие трансатлантические рейсы между Лондоном и городами Америки.

С помощью ученых-химиков изготовили своеобразные бомбы. Емкости с жидкостями, пронесенные на борт самолетов, могли взорвать сразу десяток огромных лайнеров. Гарантированно погибло бы не менее нескольких тысяч человек. Английским спецслужбам удалось предотвратить этот чудовищный террористический акт.

Другую, не менее чудовищную, вылазку экстремистов предотвратить не удалось, и на мадридском вокзале Аточа при взрыве в пригородных поездах погибло и было ранено более тысячи человек. Противостояние продолжалось с особым ожесточением и в самих мусульманских странах, особенно в Ираке, Афганистане, Пакистане. Активизировались радикальные мусульманские организации на Ближнем Востоке. Впервые со времен основания своего государства израильская армия не смогла добиться успеха в Ливане и фактически потерпела пора-

жение в схватке с радикальной шиитской группировкой «Хезболла». Мир становился все более непредсказуемым и опасным.

Эйссинджер спустился вместе с Расселом в подземное помещение, где невозможно было прослушать их разговор. Рассел положил на стол документы. Их нельзя было выносить из помещения, и при любом попытке несанкционированного взлома они уничтожались прямо в сейфе.

– Судя по всему, у нас нет оснований гордиться своими успехами? – спросил Эйссинджер. – Насколько я помню, за эти годы мы пытались внедрить около двух десятков агентов. И практически не смогли выйти на высшее руководство наших оппонентов.

– Они применяют новейшие достижения в медицине и химии, – пояснил Рассел. – Любого новичка проверяют не просто тщательно и всесторонне – он проходит проверку на «детекторах лжи», подвергается испытанию новейшими препаратами. Наши люди не роботы, они просто физически не могут лгать или пытаться утаивать информацию, когда им вводят чудовищные дозы этих препаратов. Наши враги не уважают человеческую жизнь, не ценят ее уникальность. Они считают, что лучше уничтожить сто своих последователей, среди которых будет и наш агент, чем допустить к своему руководству кого-то из чужих.

– Мы получили оперативную информацию от израильской военной разведки, – сообщил Эйссинджер. – Судя по всему, наши оппоненты готовят какой-то грандиозный террористический акт. Пока не удалось узнать, где и когда, но ясно, что акт будет неменьшего размаха и размера, чем нападение одиннадцатого сентября на Нью-Йорк или взрывы в Мадриде. Мы обязаны вычислить – когда, кто, где и каким образом попытаются нанести нам новый удар.

– Все наши агенты будут работать, чтобы узнать это, – вздохнул Рассел. – Но вы знаете, что наша попытка внедрения сразу трех агентов в прошлом году провалилась. Пока мы можем рассчитывать только на нашего второго кандидата.

– Этот азербайджанский курд, – вспомнил Эйссинджер, – которого мы сумели выдать за турецкого курда? Хотя особой разницы никто и не заметит. Кажется, он сумел закрепиться в Кандагаре и даже выйти на нашего связного...

– Да. Но мы пока держим его в резерве, стараясь не привлекать к нему особого внимания. Нет никаких сомнений, что ему по-прежнему доверяют не до конца и проверки продолжаются.

Он раскрыл папку, показывая ее Эйссинджеру. Кроме этих двоих, папку не имел права открывать даже директор ЦРУ или сам президент Соединенных Штатов. Для обеспечения абсолютной безопасности подобные данные не вводились ни в один компьютер. А высокопоставленные чиновники могли получить досье, но без фотографий и реального имени агентов.

– Физули Гаджикули-оглы Гусейнов – это настоящее имя человека, который был послан американцами в Кандагар. Ахмед Саразлы – под таким именем он работал в Афганистане.

Эйссинджер взглянул на фотографию и сразу закрыл папку, словно опасаясь, что даже в этом помещении кто-то случайно сможет увидеть данные досье. Посмотрел на Рассела.

– Только один агент, – пробормотал он. – А как остальные? С прошлого года никаких изменений?

– Увы, никаких, – подтвердил Рассел. – Первый кандидат, которого мы готовили, был «слепым». Он ничего не подозревал и отправлялся в Афганистан от имени своих соратников. Асиф Шахвани, двадцать девять лет. Успешно прошел все проверки. Если бы не его покровитель, который умудрился работать сразу на несколько сторон и глупо подставиться, мы бы внедрили этого агента. Но вы помните, что они провалились. Примерно месяц назад Мумтаз Рахмани погиб в Карачи. Мы полагаем, что его смерть может быть использована для повторной попытки внедрения Асифа Шахвани.

– Аналитики просчитали возможность его повторного использования?

– Двадцать пять процентов. Один шанс из четырех. Но мы ничем не рискуем. Если он провалится, то это будет его личный провал. Для нас он отработанный материал. Даже если его уберут...

Рассел достал другую папку.

– Не нужно, – отмахнулся Эйссинджер, – я его помню. Можно, конечно, попробовать. Но я бы сделал иначе. Нужно использовать его в качестве реальной поддержки нашего основного агента.

– Я вас не понял.

– С одной стороны, Шахвани ничего не известно и он не опасен нам в этом плане. А с другой стороны, можно использовать его для продвижения нашего агента. Например, если агент разоблачит связи Шахвани или его бывшего покровителя. Нужно подумать о таком варианте.

– Интересное предложение. Наши аналитики подумают. И наконец, третий кандидат. Маджид аль-Фаради. Представитель известной ливанской семьи шиитов, близкой к руководству «Хезболлы». Он работал в лаборатории профессора Гюльсум Сайед, которую мы до сих пор не можем найти. Сейчас он в Англии, стажировается в Кембридже. Мы держим его под особым контролем – ведь он химик, а всех мусульманских ученых физиков и химиков мы взяли на особый контроль сразу после событий одиннадцатого сентября. Но он пока очень молод. Это был «полуслепой» кандидат.

– Надеюсь, что вы отстранили от него тех идиотов, которые с ним работали?

– Мы их давно отозвали.

– И в результате у нас ничего нет, – сделал вывод Эйссинджер. – Один агент заморожен, другой вне игры, третий вообще вернулся в Лондон. Это все, что мы имеем.

– У нас есть определенные успехи в Ираке, где нам удалось внедрить...

– Я спрашиваю про Кандагар.

– Ничего, – ответил Рассел, – чужого человека они не пускают. И любого, кого мы пытаемся внедрить, сразу вычисляют.

– Девять лет, – напомнил Эйссинджер. – Если бы кто-нибудь нам сказал, что за девять лет мы не сумеем найти нужных нам людей, я бы не поверил.

– Мы делаем все возможное, – вздохнул Рассел. – Одновременно прослушиваются миллионы телефонных разговоров по всему миру. Сотни операторов проверяют все посланные сообщения по Интернету, наши эксперты отслеживают все банковские операции в мире, мы следим за любыми перемещениями через спутники. Но даже наши спутники ничего не могут заснять, когда они передвигаются в своих пещерах.

– Это не оправдание, – возразил Эйссинджер. – Ведь они выходят и взрывают наши самолеты и поезда, убивают сотни и тысячи людей... Наши промахи слишком явно демонстрируют нашу уязвимость. Я еще не услышал, как мы будем проверять информацию, полученную от израильтян.

– Мы попытаемся проанализировать и проверить эти сведения по всем нашим каналам.

– Это общие слова. А свой источник израильтяне нам никогда не укажут. И еще... Наши очевидные промахи в Афганистане и Пакистане связаны с тем самым противником, которого мы называем «Козырным валетом». И мы до сих пор не знаем ни его имени, ни его местонахождения.

– Мы предполагаем, что это офицер спецслужб Пакистана, – сказал Рассел.

Каждый иракский политик был помечен разведкой определенной картой и мастью. Все известные политики Саддама Хусейна, как и он сам, были в этой колоде под каждой конкретной картой. Теперь для борьбы с афганскими талибами была придумана такая же колода карт. И неведомый «Козырный валет» пиковой масти доставлял множество неприятностей американцам и их союзникам.

– Но вы пока не узнали ничего конкретного? – уточнил Эйссинджер.

– Нет, – мрачно ответил Рассел. – Мы делаем все, чтобы узнать его имя или хотя бы вычислить, где он может скрываться. Но пока у нас ничего не получается.

– Он нас переигрывает, – безжалостно сказал Эйссинджер.

– Да, – согласился Рассел. – Выходит, что так.

Эйссинджер нахмурился. Ему было неприятно слышать подтверждение собственных неутешительных выводов.

– Нужно обратить внимание на поездки в США, Канаду, Великобританию, Шенгенскую зону всех подозрительных людей, – предложил он. – Проверять всех представителей других государств – тех, кто больше двух раз выезжал и въезжал в эти страны за последний год.

– Нам придется проанализировать поездки миллионов людей, – напомнил Рассел.

– Значит, нужно это сделать. Пусть наши аналитики еще раз продумают, где и как может быть нанесен удар. Особенный упор на атомные станции, на электростанции. Все химические лаборатории, все экспериментальные площадки. Даже если это будет Большой адронный коллайдер. Нужно понимать, что мы имеем дело с оппонентами, которые не остановятся ни перед чем. Количество человеческих жертв их не ужасает и не трогает... Чем больше, тем лучше. Если у них получится взорвать Нью-Йорк и погубить пятнадцать или двадцать миллионов жизней, они, не колеблясь, это сделают. Поэтому я считаю, что у нас очень мало времени. Нужно проверять самые невероятные версии; если они могут прийти в голову нашим сотрудникам, то, значит, их могут придумать и наши оппоненты.

– Можно я спрошу, почему вы все время называете их нашими «оппонентами»?

– А как иначе мне их называть? Мусульманскими экстремистами? Но среди наших людей много мусульман. Террористами? Но там есть интеллектуалы, которые не считают себя таковыми; даже религиозные деятели, которые готовы освятить все подвиги своих фанатиков. Обычными фанатиками? Не подходит. Там далеко не все фанатики и не все такие уж зомбированные кретины. Они уже доказали, что умеют планировать и осуществлять даже такие исключительно сложные операции, как захват сразу нескольких авиалайнеров. Это умные, высокоорганизованные, смелые и очень современные противники, которые в перспективе могут не только нанести нам непоправимый урон, но и победить. Никогда не нужно недооценивать своих врагов – это самый верный путь к поражению. Если вы помните, Рассел, то в декабре сорок первого американцы явно недооценили мощь японского флота, и мы получили Перл-Харбор. Потом мы считали, что наша атомная монополия продлится довольно долго, но русские очень быстро взорвали свою водородную бомбу. Мы лидировали в освоении космоса, а они первыми запустили туда человека. Мы считали вьетнамскую войну легкой прогулкой для наших ребят – и потеряли там пятьдесят тысяч человек. Каждый раз, когда мы недооценивали своих оппонентов, мы получали очень неприятный щелчок по самолюбию. И поэтому моя задача – не допустить этого очередного щелчка.

– Израильтяне больше не дали нам никакой информации? – уточнил Рассел.

– Им известно только приблизительное время. День «Х» наступит через пять или шесть месяцев. Я надеюсь, вы понимаете, что мы не можем сидеть и спокойно ждать, когда они попытаются провести свою акцию.

Хотьково. Московская область. Россия. За три месяца до дня «Х»

Это место находилось недалеко от Загорска. От центра Москвы сюда можно было добраться примерно за час. Черная «Ауди» мягко притормозила у небольшого здания, находившегося в конце улицы. На здании висела табличка, извещавшая, что здесь находится лаборатория санэпидемстанции. Во дворе этого строения всегда стояла санитарная машина, припаркованная недалеко от шлагбаума. Место было безлюдное и уединенное. На соседних улицах шепотом рассказывали, что на станции усыпляют больных бешенством собак. Некоторые даже уверяли, что слышали лай несчастных животных, находившихся внутри здания. Возможно, это были бродячие псы, слонявшиеся рядом с железной дорогой, но многие жители Хотькова верили в столь ужасные слухи и не пускали в ту сторону своих детей.

Машина, подъехавшая к зданию, притормозила и просигналила. Пожилой дежурный медленно подошел к машине, подслеповато вглядываясь в нее. Затем равнодушно махнул

рукой, медленно поднял шлагбаум, позволяя автомобилю въехать во двор. Машина еще раз остановилась, пока поднимались жалюзи, открывавшие путь в гараж. Затем въехала внутрь, и жалюзи медленно опустились. Отсюда можно было подняться на второй этаж, где работали несколько специалистов в белых халатах. Любой случайно попавший сюда человек мог убедиться, что здесь идет обычная работа службы санэпидемстанции. Но люди осведомленные прекрасно знали, что в гараже не нужно выходить из салона автомобиля, а лишь подождать, пока дежурный наблюдатель не разрешит вам проезд на другой уровень. После этого каменная кладка стены отодвигалась в сторону, стальная дверь за ней открывалась, и автомобиль мог двигаться дальше по железобетонному тоннелю, ведущему вниз – в подземный, довольно вместительный гараж.

Машина проехала по тоннелю и остановилась. Из нее вышел высокий мужчина лет сорока пяти. Он поправил очки, огляделся. Его встречал другой мужчина. Он был немного ниже ростом, широкоплечий, коренастый. Ему было не больше сорока. У него были редкие светлые волосы, зачесанные так, чтобы скрыть лысину, слегка вздернутый нос и тонкие губы.

– Добрый день, Николай Сергеевич, – протянул руку встречавший.

– Здравствуйте, Евгений Андреевич, – пожал ему руку приехавший.

Они прошли к кабине лифта. Кнопок в кабине не было. Двери автоматически закрылись, и кабина отправилась еще дальше, вниз. Живущие на соседних улицах люди очень удивились бы, если бы узнали, что сюда есть вход со стороны железной дороги, откуда был проложен длинный тоннель, ведущий в подземный гараж. Еще больше они бы удивились, если бы узнали, что приехавший мужчина был генерал-лейтенантом Службы внешней разведки Денисовым, а встречавший его более молодой коллега – генерал-майором Стриженюком.

Официально считалось, что штаб-квартира Российской Службы внешней разведки находится в Ясенева. Но там были лишь штабные службы и вспомогательные управления. Оперативные отделы и службы, занимавшиеся агентурной работой, находились в других местах. Было бы слишком наивным полагать, что самых засекреченных агентов и информаторов могут привозить в штаб-квартиру бывшего Первого главного управления КГБ СССР, ставшего в девяностые годы Службой внешней разведки. В то место, которое официально указывали все справочники по спецслужбам России.

Двое мужчин молча проследовали в кабинет Стриженюка, где расположились в глубоких, удобных креслах друг напротив друга.

– Мы должны были встретиться еще вчера, – начал Денисов, – но меня вызвали к руководству. Вам передали сообщение, поступившее из Сирии?

– Да, – мрачно кивнул Стриженюк. – Вы считаете, что мы можем ему верить?

– Это один из наших самых надежных источников, он работает с нашим посольством уже больше двадцати лет. И столько же лет входит в политическое руководство Сирии. Работал еще с отцом их нынешнего президента. Полагаю, что мы можем ему доверять. Во всяком случае, его информация будет проверена.

Стриженюк молча кивнул.

– Он сообщает, что один из их известных ученых физиков – Хозван Джабри, – ранее работавший в Германии, уехал куда-то в Пакистан. Его работы довольно неплохо знают в нашей стране. Стажировался в Канаде и США. Ему сорок четыре года. Учитывая, что пакистанцы разработали свое ядерное оружие с помощью физика Кадира Абдул-хана, сбежавшего из Англии, мы сейчас проверяем всю информацию по Джабри.

– Он настолько известный ученый, что его знают даже у нас в стране?

– Он приезжал к нам четыре года назад. В Академии наук его считают очень перспективным.

– Арабский ученый-физик, – подвел неутешительный итог Стриженюк. – Значит, он тоже работает на этих фанатиков?

– Он не мусульманин, а христианин, – напомнил Денисов. – Он араб-христианин, и его не подпустят к пакистанской ядерной программе и на пушечный выстрел. К тому же он давно гражданин Германии, что автоматически делает его подозрительным типом для пакистанских политиков. Вопрос – к кому и зачем он полетел в Пакистан? Мы, конечно, пытаемся его найти, но пока безрезультатно.

– А если он полетел в Индию? – предположил Стриженюк. – Они ведь тоже разрабатывают свою ядерную программу против пакистанцев. Индийцы с удовольствием примут араба-христианина к себе на службу.

– Мы все проверили. В Индии он не появлялся, мы даже сделали соответствующий запрос в Дели. Вы знаете, что у нас с ними близкие, дружеские отношения. Оттуда ответили, что этот ученый никогда с ними не сотрудничал. Мы полагаем, что им можно верить. Впрочем, это такой вопрос, по которому ни одна страна до конца не открывает свои карты.

– Вы хотите, чтобы мы задействовали нашу агентуру? – осторожно уточнил Стриженюк.

– Обязательно. Ядерная программа – слишком опасная вещь, чтобы ее можно было пускать на самотек. Аналитики считают, что хороший специалист может использовать даже оружейный плутоний. Достаточно сделать из него «грязную бомбу» размером с яблоко, и этим оружием можно поразить такой город, как Москва. И террористы готовы заплатить за такую бомбу любые деньги. Ведь даже необязательно взрывать ее, достаточно установить на какой-нибудь станции метро или в людном месте. Эффект от ее излучения будет просто ужасным, это подсчитали специалисты. И самое неприятное, что никто этого сразу не заметит, а значит, все это может быть и длительным по времени.

– Я вас понимаю, – согласился Стриженюк, – но пока у нас нет других фактов, подтверждающих версию нашего источника в Сирии.

– Боюсь, что есть, – мрачно сказал Денисов. – Дело в том, что за физиками и химиками из мусульманских стран очень внимательно следят американцы и англичане. Даже французы сейчас начали эти проверки. Но они следят только последние десять лет. Есть еще одна страна, которая всегда пристально следила за ядерными программами, в которых задействованы любые мусульмане. Даже если они не арабы, а копты, друзы, турки. Это Израиль. И, по нашей информации, военная разведка Израиля начала очень осторожный поиск исчезнувшего ученого. Возможно, они продвинулись в этих поисках несколько дальше, чем мы.

– А если они его просто ликвидировали? На израильян это похоже. Они решают свои проблемы без ненужных колебаний.

– Не тот случай. Не забывайте, что он гражданин Германии. Они не пойдут на такой риск, устраняя гражданина европейской страны. И, по нашим сведениям, они ищут его до сих пор. Собственно, поэтому мы и знаем об их поисках.

– Все понятно. Мы постараемся задействовать все наши источники.

– Из Кандагара пока ничего нет?

– Он в резерве. – Стриженюк даже понизил голос, словно его могли здесь услышать.

– Мы очень рассчитываем на его информацию, – сказал Денисов.

– Если он вообще когда-нибудь сможет передать нам ее. Наш первый связной, которого мы туда послали, не сумел найти Ветерана, как мы условно называем Физули Гусейнова, и вернулся ни с чем. Второй вообще не вернулся. Сейчас туда отправляется новый связной.

– Вы думаете, его разоблачили?

– Не знаю. Может быть. Все может быть. Я начинаю думать, что контрразведка этих дикарей, живущих в пещерах, работает лучше нашей разведки. И вообще – лучше всех.

– Если мы будем считать их «дикарями», то не сможем эффективно с ними бороться, – заметил Денисов.

– Я имею в виду цивилизационный подход, а не уровень их развития, – возразил Стриженюк. – Кто знает, что там на самом деле происходит в их пещерах? Может быть, они умеют

читать мысли или используют особые восточные хитрости. Я даже боюсь об этом думать. Но я точно знаю, что уже много лет самые лучшие и самые оснащенные разведки мира не могут ничего сделать с этими людьми, которых мы ошибочно считали примитивными и невежественными.

– Вы считаете, что Ветеран провалился?

– Мне кажется, что мы напрасно так доверяем этому агенту. Его длительное молчание начинает меня беспокоить.

– Почему?

– Слишком рискованный эксперимент. Сначала мы узнали о том, что им интересуются американцы. Затем выяснили, что они затребовали его досье в Германии, где он проходил стажировку. И потом они вышли на него, решив заменить им известного курдского террориста Ахмеда Саразлы. И все получилось слишком легко и просто. Мне кажется, что они с нами играют. Либо американцы, либо афганцы, либо азербайджанцы. Я лично не доверяю ни тем, ни другим, ни третьим.

– Мы уже обсуждали эту тему, – напомнил Денисов, – но это был почти идеальный вариант, когда американцы сами вышли на него, сумев вычислить нужного им агента.

Денисов вспомнил, как они узнали об интересе американцев к бывшему сотруднику Министерства национальной безопасности Азербайджана Физули Гусейнову еще два года назад. Трагическая судьба офицера стала решающим фактором для его выбора. Несколько лет назад он отправился в Дербент к своему двоюродному брату, служившему в полиции. Машина, на которой они приехали, была заминирована. Очевидно, террористы ждали самого хозяина, но в машине оказался Физули Гусейнов и его семья. Жена и сын погибли. Физули получил тяжелейшие ранения и впал в кому, в которой долго находился; затем вышел в отставку и поселился где-то в горах, не желая возвращаться в город.

Он был курдом по национальности, и это тоже сыграло свою роль. Американцы планировали заменить им турецкого курда, тоже получившего схожие ранения и умершего в больнице, не приходя в сознание. Но для своих друзей и родных он все еще якобы был в коме, из которой медленно и с трудом выходил. Самым важным был и тот факт, что Физули страдал сильными головными болями, которые не позволяли получить относительно стабильную энцефалограмму его мозга. При любом исследовании врачи обращали внимание на страшные ранения, полученные Гусейновым во время взрыва его машины.

Для связи с ним в Баку был послан один из самых опытных сотрудников ЦРУ Джонатан Фоксман по кличке Фотограф. Он и уговорил Гусейнова выехать в Турцию. Правда, до этого у Физули побывали сам Денисов и его азербайджанский коллега, которые тоже уговаривали бывшего офицера согласиться на это сотрудничество. Вот так и получилось, что работавший сразу на несколько разведывательных ведомств бывший майор Физули Гусейнов оказался в Кандагаре под именем Ахмеда Саразлы. Ему пришлось выдержать несколько сложных проверок. Сейчас он находился в Афганистане. Его молчание длилось уже несколько месяцев.

– Я не очень доверяю этому типу, – повторил Стриженюк. – Все получилось слишком гладко. И я не верю азербайджанцам. Они наверняка уже сообщили американцам, что он работает и с нами тоже.

– Зачем? – нахмурился Денисов. – Им тоже важно иметь свою агентуру в таком месте, как Кандагар. Его информация имеет исключительное значение для нас и очень важное значение для азербайджанцев. Почему вы им не доверяете?

– А я никому не верю после распада Советского Союза, – признался Стриженюк, – все эти бывшие союзники хуже недавних врагов. Вы только вспомните, как мы спешно забирали личные дела агентуры из Прибалтики. А сколько было случаев, когда наших людей подставляли на Украине при прежнем руководстве! Про Грузию я не говорю, там уже просто работают против нас. Агентов засылают, наших офицеров пытаются вербовать... Разве этого мало?

– Не будем об этом вспоминать, – предложил Денисов, – никто от нас не требует, чтобы мы обязательно кому-то верили. Но наше сотрудничество достаточно эффективно, пока мы можем работать вместе в подобных вопросах. Не забывайте, как нам помогают азербайджанские коллеги в последние годы. Они практически блокировали границу и не пропускают к нам через свою страну наемников.

– Это я помню. Но когда речь идет о таком агенте, как Ветеран, все может быть... Они мусульмане, и Азербайджан – мусульманское государство. Необходимо всегда иметь в виду этот коэффициент их толерантности.

– В Средней Азии тоже пять мусульманских государств. Но с ними мы вполне успешно сотрудничаем, – напомнил Денисов.

– У них нет особых отношений с НАТО. У них выбор между нами и талибами. Значит, они выбирают нас. И не потому, что мы им так нравимся. Просто иначе ортодоксальные оппозиционные силы снесут эти так называемые светские режимы. А у Азербайджана такой выбор есть. У них масса возможностей. Родственная им Турция, с которой они говорят на одном языке и которая является членом НАТО, союзная Грузия, которой они с удовольствием предоставляют свой газ и нефть, соседний Иран, где живут их единоверцы – шииты. Наконец, американцы, которые очень старательно лезут на Кавказ. И они всегда могут сделать выбор не в нашу пользу.

– Я с вами не совсем согласен, – сказал Денисов.

– Почему?

– Насколько я помню, именно в этом государстве готовилось покушение на жизнь экс-президента России Владимира Путина, когда тот должен был прилететь в Баку, – напомнил Денисов. – Тогда в Азербайджан прислали двух киллеров, один из которых прибыл из Ирака. Благодаря сотрудничеству наших спецслужб оба киллера были арестованы, а визит Путина прошел успешно.

– Тогда президентом Азербайджана был бывший генерал КГБ Гейдар Алиев, – не сдавался Стриженюк, – он держал все под своим контролем.

– А сейчас его сын, – парировал Денисов. – У вас есть хоть какие-нибудь факты, позволяющие усомниться в деятельности Ветерана?

– Его длительное молчание.

– Это как раз факт в его пользу. Раз он столько времени мог продержаться один, то, значит, его легенда до сих пор работает.

– А если его уже нашли американцы?

– Значит, он будет одновременно поставлять информацию американцам и нам, – ответил Денисов, – и мы будем знать, какая именно информация интересует наших заокеанских партнеров. Ведь в борьбе с таким явлением, как мировой терроризм, мы – партнеры. И неизвестно, где в очередной раз взорвется бомба. Снова на вокзале в Мадриде, на американской военной базе где-нибудь в Афганистане или Ираке, а может быть, у нас в Москве. Вы можете с уверенностью сказать, что информация Ветерана нам не нужна?

Стриженюк промолчал.

– Вот видите, – удовлетворенно произнес Денисов, – чем больше наших людей будет задействовано в подобных операциях, тем лучше. Это как раз тот случай, когда наше сотрудничество с американцами приносит конкретную пользу обоим сторонам.

– Если они узнают, что мы попытались их переиграть, они сдадут Ветерана афганским талибам, – предположил Стриженюк, – еще и поэтому я считаю его очень ненадежным источником информации.

– Не сдадут. Они несколько лет готовили эту операцию. Для них такой агент исключительно важен. По большому счету, они все о нем знают. Он действительно бывший майор Физули Гусейнов, чья семья трагически погибла в Дербенте. По крайней мере, их никто не

обманывает и не подставляет им другого человека, как они сделали с самим Ветераном, подставив его афганцам.

– Вы меня не успокоили. Он молчит уже несколько месяцев.

– Будем ждать. А пока задействуем все остальные варианты. Нужно понять, к кому и зачем отправился этот сирийский ученый с паспортом гражданина Германии.

– Мы уже два месяца готовим Ветерану нового связного, – сообщил Стриженюк, – она должна оказаться на месте через четыре дня.

– Вы посылаете в Кандагар женщину? – уточнил Денисов. – Думаете, у нее будет больше шансов?

– Она работает в нашей службе уже восемь лет, – сообщил Стриженюк. – Саида Сулейманова, кличка Стрела. Двенадцать лет назад работала на таможне, вышла замуж за ливанца Шарафа Джалала. Он погиб через три года в автомобильной катастрофе, и она вернулась с их общим сыном в Москву. Тогда же была завербована в нашу службу. Как вдова известного арабского бизнесмена и гражданка Ливана, она часто посещает арабские страны, является президентом фонда имени ее мужа. Была несколько раз в Пакистане. Посещала Иран, Ирак, даже Афганистан. У нее нет легенды, там все настоящее. Она действительно вдова арабского политика и бизнесмена. Ее хорошо знают в арабских странах. Идеальный кандидат на роль связного. К тому же ей только тридцать шесть лет, и она один из членов руководства общества Красного Полумесяца, которое действует в мусульманских странах.

– Мне о ней говорили, – кивнул Денисов. – Может быть, она единственная кандидатура, которая нас устроит. И все-таки самое важное – это куда пропал физик-ядерщик из Германии. Если он у талибов, то мы можем получить бомбу через несколько месяцев у нас в Москве. Я думаю, что вы понимаете, Евгений Андреевич, как важно не допустить этой трагедии. И во имя того, чтобы остановить террористов, мы пойдем на сотрудничество с кем угодно, лишь бы наша деятельность оказалась достаточно эффективной.

– А если такую бомбу готовят для американцев или европейцев? – уточнил Стриженюк. – Вы думаете, они предупредили бы нас об опасности?

– Хочу думать, что да, – ответил Денисов. – При любом варианте мы должны действовать как цивилизованные люди, которым угрожает общая опасность.

Он еще не знал, что уже на следующий день они получают сообщение из российского посольства в Пакистане, что труп ученого из Германии найден в Исламабаде. Его застрелили, когда он выходил на улицу из машины, припаркованной у сирийского посольства. Найти убийцу полиция не смогла.

Пешавар. Пакистан. За два с половиной месяца до дня «Х»

Пешавар находится недалеко от границы с Афганистаном, и в этот город стараются не ездить европейцы или американцы, предпочитая столичный Исламабад, в котором им кажется гораздо безопаснее, чем рядом с беспокойной афганской границей. Но именно в этот город прибыл почти две недели назад Физули Гусейнов. У него были документы на имя турецкого курда Ахмеда Саразлы, и сюда его прислали для связи с представителем пакистанской ячейки «Аль-Каиды». Его связной с американцами остался в Кандагаре. Физули жил в Кандагаре под своими турецкими документами, работая в небольшой лавке, и теперь отправился в Пакистан якобы за нужным ему товаром.

Европейцу или американцу не совсем понятно, как можно жить в условиях непрерывной войны, которая уже больше тридцати лет длится в Афганистане, или в условиях непрекращающихся взрывов и террористических актов, как последние десять лет в Ираке. Но на Востоке свои понятия о ценности человеческой жизни и судьбе, определяемой Аллахом, который решает, когда человеку нужно жить или умирать. Если говорить о людях, то они постепенно привыкают даже к такому аду, уже не обращая внимания на систематические террористические акты, взрывы в мечетях или бомбы в машинах.

Ахмед Саразлы прибыл в Пешавар и остановился в отеле, претенциозно названном «Звезда Востока». Отель был небольшой, трехэтажный, довольно грязный и мрачноватый. Но зато здесь постоянно была горячая и холодная вода, а комната Ахмеда, выходящая во двор, была теплой – дом отапливался дровами и углем.

Он принял душ и улегся на кровать, глядя в потолок. Он не совсем так представлял себе свою работу, когда соглашался отправиться в прошлом году. Хотя ему было все равно. Он уже давно не испытывал никаких эмоций. Может, он согласился отправиться в эту необычную командировку только потому, что у него появился шанс хоть как-то отвлечься. Или наоборот – он искал смерти, которая могла положить конец его мучениям. Три года назад он отправился в Дербент к своему родственнику. Тот работал в полиции и много раз приглашал Физули приехать к нему в гости вместе с женой и сыном. Они и поехали...

Машина была заминирована и, когда они уселись в салон, взорвалась. Он среагировал на автомате, сумев вывалиться оглушенным из уже горевшей машины. Или в последнее мгновение услышал характерный щелчок. Потом он много раз вспоминал этот момент. Жена и сын погибли. А он провалился в кому, из которой не должен был выйти. Но он выжил вопреки всему. Очевидно, сказала крепость его организма. Он выжил, но после произошедшего ему не хотелось больше оставаться в Баку, где все напоминало о его прежней жизни, о его семье.

Бывший майор Министерства национальной безопасности Физули Гусейнов ушел в отставку в тридцать пять лет. В свое время он учился в Москве, затем стажировался в Германии, считался одним из самых лучших офицеров. Но трагедия в Дербенте перечеркнула его жизнь и его судьбу. Он поселился рядом с небольшим городом Шемаха, в ста километрах от Баку, далеко в горах, чтобы никого не видеть и не слышать. Он и жил там последние два года, иногда тяготясь своим одиночеством, но не решаясь никому сказать об этом.

Однажды он даже решил, что нужно покончить с этим существованием. Недалеко от его дома, в трех километрах, была глубокая расщелина. Он решил, что на следующее утро отправится туда, чтобы никогда больше не возвращаться. Но ночью он увидел во сне свою жену и сына. Они снова были вместе и снова были счастливы. Сын словно отговаривал его от этого безумного поступка. Проснувшись утром, Физули увидел, что вся его подушка в слезах. До этого он никогда не плакал. Но о расщелине он больше не думал. А потом в его доме появились сразу два генерала: азербайджанский, которого он хорошо знал, и российский, который рассказал ему много интересного.

А через некоторое время появился Джонатан Фоксман, который предложил ему отправиться в Турцию и попытаться начать все заново. Физули согласился. Потом была Турция, переезды в разные города, Пакистан, Афганистан, долгие проверки, когда он не всегда оказывался на высоте. Однажды под влиянием сильнодействующих препаратов, которые ему ввели, он несколько раз назвал свое настоящее имя. Но среди допрашивающих его людей оказался образованный врач, который знал о великом поэте Средневековья Мохаммеде Физули и не придавал его словам особого значения.

Он лежал на кровати, глядя в потолок и размышляя обо всем, что с ним произошло. Он уже столько месяцев живет в Кандагаре под именем Ахмеда Саразлы. Понятно, что за ним наблюдают. Им не жалко тратить на это время – оно на Востоке совсем иная категория, чем на Западе. И ясно, что те, от кого зависела судьба новичка, присланного им из Турции, сознательно держат его на определенном расстоянии, проверяя его. И даже командировка в Пешавар наверняка была очередным этапом его проверки.

В дверь осторожно постучали. Он поднял голову, удивленно прислушиваясь. Неужели опять проверка? Сколько можно. Они не хотят оставить его в покое даже здесь, в Пешаваре...

Он открыл дверь. На пороге стояла женщина в традиционном мусульманском одеянии. Черный хиджаб и закрытое лицо, оставлявшее открытыми только глаза. Женщина внимательно смотрела на стоявшего перед ней мужчину.

– Простите, – сказала она на фарси, – я, кажется, ошиблась номером.

– Да, – устало согласился он, – наверно, ошиблись.

– Мне необходимо было купить минеральной воды к трем часам дня для обеда с моим другом, – неожиданно произнесла она.

Он замер и изумленно взглянул на стоявшую перед ним незнакомку. Если бы ему такое приснилось, он решил бы, что это слишком невероятный сон. Но она стояла перед ним, прямо глядя на него. Он смутился, отвел глаза. Даже недоверчиво отступил на шаг назад. Эту фразу он ждал почти целый год. Условную фразу, которую он давно заучил наизусть. Ее должен был произнести его связной, присланный из Москвы или Баку. Так они тогда договорились. Но перед ним стояла женщина. Разве может женщина быть связной в таком месте, как Пешавар?

Она терпеливо ждала его отзыва. Физули так растерялся, что ему потребовалось несколько секунд, чтобы опомниться и ответить. Наконец она спросила, чтобы подтолкнуть его к ответу:

– Вы ничего не хотите мне сказать?

– Да, – сумел выдавить Физули, – хочу.

Он сглотнул. Почему-то сильно заболела голова.

– Ваш друг, очевидно, будет обедать немного позже, в пять часов вечера и без минеральной воды, – сказал он наконец хриплым голосом.

Она кивнула головой, входя в его комнату и закрывая за собой дверь. Затем сняла платок и хиджаб. Он сделал еще один шаг назад. Она оказалась молодой женщиной в современном темном платье. Несколько плотная фигура, характерное восточное лицо, чуть изогнутый нос, темные глаза, тонкие губы. Ей было лет тридцать пять – сорок.

– Я представляла вас немного другим, – сказала она на фарси.

– Я вообще не думал, – пробормотал он, – не думал, что вы... женщина... здесь... Как вы меня нашли?

– В Кандагаре все знают, что вы отправились за товаром в Пешавар и забронировали для себя номер в этом отеле. Должна сказать, что отель явно не отвечает стандартам в четыре звезды, которые нарисованы на дверях этого заведения.

Гусейнов усмехнулся.

– Так и будем говорить на фарси? – поинтересовался он.

– Я могу и по-турецки, – ответила она. – Вам, наверно, будет удобнее говорить на турецком языке.

– Да, – согласился он. – А еще какие языки вы знаете?

– Арабский, французский, русский, английский, – улыбнулась она и уже по-русски добавила: – Кажется, вы тоже должны понимать русский язык. И арабский?

– Я понимаю, – ответил он по-турецки, прислушиваясь к шагам в коридоре. – Но кто вы? Откуда вы приехали?

– Из Кандагара. Я искала вас там несколько дней, пока наконец мне показали вашу лавку. И уже потом приехала сюда через Лахор.

– Как вас зовут?

– Саида Джалал, это фамилия по мужу.

– И как я смогу объяснить ваше присутствие у меня в номере?

– Никак. Я никогда не была в вашем номере и не могла быть здесь ни при каких обстоятельствах. Мусульманская женщина, которая встречается с мужчиной без свидетелей, должна быть осуждена общественным мнением. Согласно нашим правилам я даже разговаривать с вами не имею права без присутствия рядом моего брата или мужа.

– Вы сказали, что Джалал – ваша официальная фамилия?

– Да. А моя настоящая фамилия – Сулейманова. Я лезгинка из Махачкалы.

– Странно, что вы мне честно обо всем рассказываете.

– А почему я должна лгать? У меня все документы в порядке. Я действительно Саида Сулейманова и по мужу Саида Джалал. Мой муж был ливанским бизнесменом из очень влиятельной семьи.

– Почему был?

– Он погиб в автомобильной катастрофе.

– Простите, – нахмурился он, – я задал неуместный вопрос. Думал, что вы развелись.

– Нет. Но это случилось еще восемь лет назад. Я вернулась в Москву, а потом снова уехала к родственникам мужа. С тех пор я Саида Джалал, и меня довольно хорошо знают в арабских странах, где я являюсь представителем общества Красного Полумесяца и руководителем фонда Шарафа Джалала.

– Тогда понятно. Может, вы сядете? – Он подвинул ей стул, сам присел на кровать. – Кажется, я не совсем готов к нашей встрече.

– Судя по вашему лицу, вы действительно не были готовы, – сказала она, чуть улыбаясь. – Я думала, что такие люди, как вы, готовы к любым неожиданностям.

– Только не к появлению женщины-связной в моем номере в Пешаваре, – пробормотал Физули.

– Вы слишком много времени провели в Афганистане, – снова улыбнулась она, – у вас неверные представления о современных женщинах. Даже для мусульманской страны.

– Наверно... – согласился он. – Я все еще не могу собраться с мыслями. Признаюсь, что вы меня очень удивили.

– Больше не будем говорить об этом, – предложила она. – Господин Ахмед Саразлы, я пролетела несколько тысяч километров и искала вас почти полмесяца, чтобы наконец встретиться с вами. Может, вы поверите наконец, что подобные встречи иногда бывают реальными?

– Очевидно, я не совсем готов к этой роли, – пробормотал он, – иначе я бы не стал так удивляться. Надеюсь, что вам не опасно оставаться здесь?

– Вы имеете в виду общую обстановку в отеле или боитесь угроз в свой адрес? – уточнила она.

– Только из опасения за вас, – признался Физули. – Я уже давно ничего и никого не боюсь.

– Я все знаю, – посерьезнела она, – и про вашу прошлую жизнь, и про вашу семью. Мне рассказали об этом.

– Тогда тем более вы должны понимать, что меня трудно испугать. Скорее я был удивлен.

– В Турции американцы дали вам в качестве связной Мартину Гложник? – уточнила она. – Мы сумели проследить ваши приключения до того, как вы уехали сюда.

– Правильно. Они проверяли меня по полной программе. Сначала американцы, потом турки, потом афганцы. В общем, я уже прошел все круги их возможных проверок. И не могу быть уверенным, что вас не прислал кто-то из моих проверяющих, – добавил он.

– Тогда почему вы со мной беседуете?

– Если вас подставили, то сразу же после вас сюда придут какие-нибудь мрачные типы и просто пристрелят меня. Не думаю, что их будут волновать всякие мелкие подробности. Если вас прислали ко мне, значит, вы знакомы с моей биографией. Меня трудно напугать.

– Почему вы не выходили на связь?

– У меня не было связных. Ни одного за столько месяцев. Я даже думал, что про меня забыли.

– Они не могли до вас добраться. Вас слишком плотно опекали. Насколько мы знаем, вы прибыли из Турции не один?

– Правильно. Со мной был напарник, Иззет Гюндюз, оставшийся в Кандагаре. Он абсолютно непредсказуем. Рассказывают, что однажды он зубами загрыз своего сокамерника в тюрьме, оказавшегося предателем. Для него я герой, и он относится ко мне с определенным

пиететом, хотя я понимаю, что в любую секунду его отношение ко мне может измениться, узнай он, кем я являюсь на самом деле.

– Они допрашивали вас на своих установках?

– Много раз. И несколько раз я произносил свое настоящее имя. Но мне отчасти повезло. Там оказался врач, который любит восточную поэзию и хорошо знает Физули. Поэтому я и жив до сих пор. Он, очевидно, решил, что я тоже любитель поэзии.

– По нашим сведениям, они готовят какой-то крупный террористический акт, который могут провести в ближайшие полгода, – сообщила Саида, – но мы не знаем ни точного места, ни времени, ни участников этой операции.

– Вы думаете, что я, сидя в своей лавке в Кандагаре, мог быть допущенным к каким-то особым секретам? – невесело усмехнулся Физули. – Легче было работать нелегалом в западных странах, чем попытаться пробиться в пещеры афганцев. Туда так просто не попасть. Время – тоже категория проверки. Как я поведу себя, смогу ли продержаться, не сорвусь ли при подобном бездействии...

– Они начали действовать, – возразила Саида. – Недавно в Афганистан прибыл известный ученый, физик из Германии – Хозван Джабри. По национальности он араб из Сирии. Араб-христианин. Его нашли убитым несколько дней назад. Вероятнее всего, его убийство связано с очередной попыткой запустить некое устройство, возможно радиоактивное. Считается, что в данном случае могут быть использованы либо оружейный плутоний, либо отходы с атомной станции. Террористы попытаются сделать некое подобие небольшого радиоактивного снаряда, рассчитанного на массовое поражение людей.

– Мне об этом ничего не известно, – честно признался Гусейнов. – И учтите, что у меня было два взаимоисключающих друг друга задания. Вы просили меня об информации, а американцам нужно убрать своих врагов. Они вручили мне особый Коран, в который был вмонтирован передатчик. Весьма миниатюрный, но его все равно могли обнаружить, хотя Коран обычно никто не трогает. Однако я решил не рисковать и в последние несколько месяцев не ношу Коран на цепочке на шее, как делал это раньше. Меня никуда не зовут, и я ни с кем не встречаюсь. Не считая связного американцев. Насколько я понял, они не очень охотно используют меня как информатора. Я нужен им для одноразового использования, как агент, который может близко подобраться к руководителям, засевшим в пещерах. И тогда они нанесут свой удар.

– Так было раньше, – возразила Саида, – сейчас всех волнует только готовящийся террористический акт. Американцев он волнует даже больше других, ведь бомба может оказаться в любом американском городе или на любой американской базе. Для того чтобы убить всех находящихся там людей, даже необязательно проносить бомбу на базу. Достаточно установить ее где-нибудь рядом, в нескольких метрах от базы. Ни один военнослужащий не выживет после такого. Поэтому мы считаем, что американцы тоже несколько сместят акценты. Они сделают все, чтобы получить информацию о готовящемся теракте.

– Понятно. И вы считаете, что я буду иметь какое-то отношение к этому варварскому делу?

– Меня просили передать вам, что аналитики просчитали возможность вашего использования. Вы одна из наиболее реальных кандидатур на подобную акцию. Вам уже верят, если столько месяцев держат вас в резерве...

– Скорее не допускают к работе...

– Иначе вас не держали бы столько времени в Кандагаре, – возразила Саида, – поэтому будьте готовы к тому, что скоро вы им понадобится. Им будут нужны именно такие люди, как вы.

– Посмотрим, – кивнул Физули, тяжело вздыхая, – мне начинает надоедать моя бессмысленная жизнь в Кандагаре.

– Ваш пароль изменен, – сообщила она. – Теперь связной, когда выйдет на вас, скажет, что ему нужна газированная вода для обеда в два часа дня. В два часа дня. А вы ответите, что предпочитаете негазированную воду в пять. Вы меня понимаете?

– Надеюсь, что это я запомню, – пробормотал он, – не так сложно. Газированная вода в два и негазированная в пять. Интересно, в следующий раз снова будете вы или придет кто-то другой?

– Если вы вернетесь в Кандагар и останетесь там, то я полагаю, что мы с вами еще увидимся, – сообщила Саида, – хотя туда очень трудно добираться даже на автомобиле. Есть очень большой риск, что машину обстреляют из-за холмов либо сторонники «Талибана», либо правительственные войска, либо американцы, которые так жестко контролируют движение автомобилей по всем основным дорогам. И хотя мы вывешиваем на своих автомобилях флаги с красным крестом и полумесяцем, это не мешает и тем, и другим, и третьим регулярно обстреливать нас.

– У вас сложная работа, – заметил он, с любопытством глядя на эту женщину.

Саида улыбнулась. Зубы у нее были мелкие и ровные.

– Все, – она посмотрела на часы, – я должна уходить. Ровно через две недели я буду в Кандагаре. В центральной мечети женщины сидят в отведенных им местах, и поэтому я не смогу приблизиться. К вам подойдет мужчина, который назовет вам пароль и отведет на встречу со мной. Можете ему доверять, это мой слуга.

– Хорошо, – усмехнулся Физули, – я все понял. А если мне срочно понадобится связь?

– Сейчас я назову вам номер телефона здесь, в Пакистане, – сказала она, поднимаясь со стула, – запомните его. Он будет включен круглосуточно, и там всегда будут ждать вашего звонка.

Она назвала номер. Он неожиданно улыбнулся.

– Что случилось, – не поняла Саида, – чему вы улыбаетесь?

– У меня есть другой номер телефона, для американцев, – пояснил Физули. – Мне дал его их связной в Кандагаре. Пришлось долго заучивать наизусть.

– Значит, они смогли прислать своего связного в Кандагар, – поняла она.

– Нет. Это был завербованный агент из местных жителей. В отличие от вашей разведки они не столь дорожат таким агентом, как я. Решили, что можно рискнуть, выводя на меня местного жителя.

– Похоже, вы правы, – согласилась она. – Я еще раз продиктую вам номер. Сможете запомнить?

Она вторично продиктовала код и номер телефона, по которому он должен был звонить. Физули закрыл глаза, попытался сосредоточиться. Открыл глаза. Затем покачал головой.

– Нет, – сказал он мрачно, – я не смогу запомнить. Раньше мог, а после ранения и многомесячной комы не могу. Меня не зря списали на пенсию. Это в детективных романах у разведчиков абсолютная память. У меня ее не осталось. Я запишу номер и попытаюсь его заучить. И потом сожгу эту бумагу.

Саида хотела возразить, но, взглянув на него, передумала. Физули как раз повернулся к ней левой стороной, и она увидела его шрамы, заметные даже под волосами. Она не стала больше ничего спрашивать и еще раз продиктовала номер. Он достал ручку и записал все на листок бумаги, лежавший перед ним. Саида надела свой хиджаб, закрыла лицо. Протянула ему руку.

– До встречи.

Гусейнов пожал ей руку. После ее ухода в комнате еще долго витал аромат французского парфюма. Он понюхал свои руки. Впервые за много лет они пахли столь своеобразно. И в эту ночь он впервые заснул крепким сном, его не тревожили кошмары.

Где-то в окрестностях Кандагара. Афганистан. За два с половиной месяца до дня «Х»

Три всадника ехали по пустыне – одна женщина и двое мужчин, вооруженных винтовками. Четвертая лошадь везла тюки с грузом. Небольшая группа шла по отлогим холмам, направляясь к известному им месту, где они собирались сделать привал.

Если бы кто-то наблюдал за этой группой, то принял бы их за обычную семью, совершавшую переход в окрестностях Кандагара вдоль течения реки Тарнак. В этих безжизненных местах переходы совершались таким образом, чтобы не слишком удаляться от реки.

Один из мужчин поднял голову, глядя на заходившее солнце, обернулся к своему спутнику.

– Скоро зайдет солнце, – крикнул он ему.

Второй подъехал ближе. Большой платок, наброшенный на голову, не позволял разглядеть черты его лица.

– Сколько нам еще осталось?

– Не больше часа, – уверенно ответил первый, – мы успеем на место еще до захода.

– Это очень важно, – кивнул его собеседник, – они следят за всеми передвижениями в этом районе с помощью своих спутников. Пусть видят, как мы подъедем к дому. Нас уже ждут?

– Они находятся там уже два дня, никто не выходит из дома.

– И учти, Мансур, что нужно разговаривать так, чтобы не поднимать головы. Спутники видят не только наши перемещения. Они могут зафиксировать наши лица, а специалисты даже прочитать по губам, о чем именно мы говорим.

– Проклятые кяфиры, – с ненавистью произнес Мансур. – Неужели у них есть такая техника?

– У них есть все, что может придумать человек, – ответил второй, – и поэтому нам нужно быть осторожнее.

– Зато у них нет Аллаха, – уверенно ответил Мансур, – и мы все равно победим их, какие бы новые спутники они ни изобрели.

Второй мужчина усмехнулся, ничего не сказав.

Если бы спутник сумел зафиксировать, кто именно передвигался вдоль реки в составе этой группы, и наблюдавшие могли узнать, чем именно он занимается, то наверняка уже через несколько минут сюда бы ударили высокоточные снаряды. Но имя и деятельность этого человека были окружены абсолютной тайной. Идрис аль-Исфакхани, офицер пакистанской разведки, официально сотрудничавший с американцами и британцами, был на самом деле главой службы безопасности самой мощной террористической организации, когда-либо существовавшей в этом мире и под этим солнцем.

Получивший блестящее образование в Гарварде и Кембридже, он работал в разведке уже давно. Его способность быть двойным, тройным агентом очень пригодилась. Никто даже не мог предположить, что этот высокопоставленный офицер пакистанской разведки является именно той скалой, о которую разбиваются все планы зарубежных разведслужб.

Он умело использовал все новейшие достижения и технологии, которые считались приоритетом западных спецслужб. Он использовал лучших экономистов, чтобы незаметно переводить крупные суммы денег, уводя их от наблюдения заинтересованных лиц; его агенты проникали в офисы крупнейших западных компаний, имели доступ в штаб-квартиры многих разведслужб мира. Огромные деньги, которыми он мог бесконтрольно распоряжаться, делали его не только неуловимым, но и позволяли эффективно бороться против всех агентов, так или иначе засылаемых в его организацию. Именно его деятельность в последние несколько лет не позволяла западным спецслужбам добиваться ощутимых успехов.

Идрис аль-Исфакхани и был тем самым Козырным валетом, вычислить которого пытались разведки мира. Его активно искали индийские и китайские разведчики, пакистанская и иранская контрразведки. Он знал, как много личных врагов есть у него в этом мире, и поэтому никому не доверял.

Следовавшая за ним женщина была одной из его личных телохранительниц. Под хиджабом у нее были два автоматических пистолета, а выючная лошадь везла короткие израильские автоматы «узи». Идрис точно знал, что передвижение в этом опасном районе фиксируется многочисленными спутниками, которые нацелены именно на этот участок афгано-пакистанской границы, и принял меры. Со стороны казалось, что это обычная пуштунская семья передвигается на лошадях вдоль реки.

Примерно через час они достигли небольшого селения. Солнце светило еще достаточно ярко. Всадники спешили и вошли в дом. Там их ждали трое. Эти люди были даже внешне похожи на прибывших. Минут через двадцать, пока еще было светло, из дома вышли трое путников: те же платки, тот же хиджаб и те же винтовки, с которыми они подъехали к дому. Люди сели на лошадей и тронулись дальше на северо-восток в городок Шахджой, находящийся выше в горах. Даже если кто-то и наблюдал за этой группой, то не смог бы заметить подмены первых трех всадников.

Идрис позволил себе прилечь на кровать, закрыть глаза. Он знал, что его спутники будут охранять его и никого не впустят в дом. Все его передвижения планировались только им самим, и это была единственная гарантия от возможных неудач.

Солнце зашло за горизонт, когда Идрис открыл глаза. На часах было около восьми вечера. В этих местах ночь приходит внезапно; солнце исчезает, и наступает не только тьма, но и необычный холод, характерный для здешних горных и пустынных мест.

Идрис быстро поднялся, умылся. Нужно было подождать еще немного, чтобы выйти из дома. Теперь они переоделись в одежду обычных пастухов, которые обычно перегоняли стада баранов на север. В полночь все трое вышли из дома. Дорога пешком заняла около четырех часов. Мансур уверенно двигался в темноте. Это были его родные места, и он здесь прекрасно ориентировался. В половине второго ночи они наконец достигли условного места, где рядом с пещерой их ждали. Пересев на лошадей, они совершили еще один короткий переход к дальним пещерам на востоке. Сверху их невозможно было заметить: утренний туман и горные вершины не позволяли наблюдать за их передвижением. К пяти часам утра они наконец оказались на месте. На их лошадей пересели другие, и группа всадников поскакала дальше. А Идрис наконец вошел в пещеру, где его ждали.

– Рад вас видеть, уважаемый Идрис, – приветствовал его Ибрагим, один из тех помощников, которым Идрис вынужден был доверять.

Аль-Исфакхани кивнул в знак приветствия, проходя в отведенное для него помещение. Это было похоже на вполне комфортабельную комнату с хорошим освещением и удобной обстановкой. Идрис снял парик, накладные усы и бороду, надел очки. Внешне он походил на молодого профессора Гарварда. В таком виде его мало кто видел. Он переоделся и только затем позвал Ибрагима.

– Мне нужно знать, что произошло в Исламабаде, – холодно сказал Идрис.

– Все прошло нормально, – ответил Ибрагим.

Это был высокий мужчина с бритой головой, больше похожий на профессионального боксера или борца. Черную бороду, которая придавала его облику колоритный вид, он коротко подстригал. Ибрагим стоял перед сидевшим на стуле Идрисом, ожидая, когда тот разрешит ему сесть.

– Что значит нормально? – недовольно уточнил аль-Исфакхани.

– Его застрелили, когда он был рядом с посольством, – сообщил Ибрагим, – в кармане нашли его паспорт и документы. Вчера тело Хозвана Джабри отправили на родину, в Дамаск. Отпевание будет в их православном храме. Вы знаете, что он христианин. Его похоронят на христианском кладбище. Мой человек из Сирии сообщил, что гроб не будут открывать – учитывая, что первый выстрел был в голову и лицо было обезображено.

– А второй?

– В сердце, как мы и планировали.
– Слишком профессионально. Нужно было стрелять в третий раз. Об этом мы не подумали.

– Почему в третий? – не понял Ибрагим.

– Чтобы промахнуться, – пояснил Идрис. – Тогда никто бы не подумал, что стрелял опытный профессионал. Слишком много чести для обычного ученого из Германии, чтобы его убивал такой опытный убийца. Садись, – наконец разрешил он своему помощнику.

Тот сел на стул.

– Нужно всегда помнить, что мы имеем дело с очень умными противниками, – напомнил Идрис. – Этот убитый хотя бы внешне был похож на Джабри?

– Конечно. Мы искали его несколько дней, – обиженно засопел Ибрагим.

– Как только я узнал, что его ищут, я понял, что его исчезновение стало известно и американцам, и израильтянам. Значит, нужно было сделать так, чтобы он «погиб». Передай в Дамаск, чтобы организовали круглосуточное наблюдение за могилой погибшего. Если кто-нибудь захочет проверить, кто именно там похоронен.

– Ему разнесли полчерепа, – возразил Ибрагим.

– Они могут проверить его ДНК или группу крови, – поморщился Идрис. – Голову ему разнесли для родственников, а обмануть израильтян все равно не удастся. Если они заподозрят, что мы подставили им другого человека, то начнут поиски Хозвана Джабри с удвоенной энергией. И передадут эти сведения американцам.

– Он сейчас в нашей лаборатории в Мултане. Там его не будут искать.

– Будут. Обязательно будут. Ни одна лаборатория не может быть надежно замаскирована, я тебе об этом много раз говорил. Предельный срок – шесть или семь месяцев. Потом нужно уходить. Все равно лабораторию вычислят, в каком бы месте мы ее ни спрятали. Люди, техника, оборудование, материалы... Все спрятать невозможно. И у нас не так много времени. Когда придет профессор Гюльсум?

– Она уже здесь.

– Тогда позови ее. И учти, что твои люди должны круглосуточно следить за могилой Джабри. Круглосуточно, Ибрагим. Это очень важно. Если кто-то придет проверять – значит, они не поверили в его смерть. А теперь позови профессора.

Помощник поднялся и вышел. Идрис подошел к небольшому шкафчику, открыл дверцу. Здесь стояли флаконы с парфюмом. Это была его слабость. Он любил хороший и дорогой парфюм. В последнее время ему стали нравиться парфюмы от фирмы «Гермес». Их апельсиновый запах напоминал ему детские годы.

Кто-то постучал в дверь, и он поспешил открыть. На пороге стояла женщина. Ей было около пятидесяти. Немного вытянутое лицо, смуглая кожа, черные волосы с заметной сединой, которые она принципиально не красила, крупные черты лица. Перед ним была профессор Бегум Гюльсум Сайед, которую вот уже два года безрезультатно искали спецслужбы Австралии, откуда она уехала, Канады, США, Великобритании и Израиля. Профессор Гюльсум Сайед была специалистом по физическим свойствам химических соединений.

Она приняла осознанное решение помогать им еще несколько лет назад, когда ее единственный сын погиб в Афганистане. Он был американским журналистом, прибывшим на встречу с талибами. Будучи посланцем американского журнала, он был гражданином Пакистана. О месте его встречи с руководством талибов узнали американцы, которым он заранее сообщил о предстоящей встрече. Уничтожить сразу нескольких руководителей опасного движения было главной целью американского военного командования. Разумеется, при этом никто не принимал в расчет, что заодно с афганцами погибнет и пакистанец, даже если он работает на американский журнал. В дом, где происходила встреча, попала высокоточная ракета, и все погибли. Гюльсум Сайед узнала об этом через несколько дней. Смерть сына потрясла ее так

сильно, что она приняла решение встать в этой войне на сторону талибов. И с тех пор она работала на организацию Идриса аль-Исфакхани.

Как цинично заявил женщине один из американских журналистов, военное командование заранее уточнило, какой журналист отправился на встречу. Американский журналист с пакистанским паспортом был для них не так важен, как американский журналист с паспортом гражданина США. И участь молодого человека была решена. Это было неоправданно жестоко, но шла война, и военное командование принимало решения, исходя из конкретной обстановки. Такие потери считались допустимыми для военного командования и американского общественного мнения. Но недопустимыми для матери, потерявшей своего единственного сына.

Идрис поздоровался с женщиной за руку. Они провели много времени в Америке и Европе, переняв тамошние привычки, и познакомились уже давно. Когда-то они разговаривали только по телефону. Гюльсум Сайед вошла в комнату и, не дожидаясь разрешения, уселась на стул, доставая пачку сигарет. Идрис чуть поморщился: он не выносил даже запаха сигарет – с тех пор, как сам бросил курить. Но говорить об этом женщине ему не хотелось. Она была единственным человеком, кто имел право курить в его присутствии.

– Мы закончим свою работу через полтора-два месяца, – сообщила профессор, щелкнув зажигалкой. – Благодаря помощи профессора Джабри мы значительно продвинулись в нашей работе. Остались чисто технические вопросы, которые мы успешно решим.

– Вы уверены, что справитесь за это время? – уточнил Идрис.

– Теперь – да. Почти уверена. Зачем вы хотели меня видеть?

– Мне сказали, что вам нужно помочь. Ибрагим говорил о каких-то необходимых компонентах для вашей работы...

– Мы могли бы решить этот вопрос самостоятельно. Ничего особенного. Там нужно закупить...

– Простите, – перебил ее Идрис, – мы с вами сразу договаривались, что вы ничего и никогда не будете закупать самостоятельно. Даже обычную бумагу и обычные одноразовые ручки. Только через меня. Поймите, что вас и вашу лабораторию ищут самые лучшие разведчики всего мира. И даже если вы купите две пачки бумаги для ксеркса, то и тогда они могут вычислить, где именно находится ваша лаборатория. Насколько я помню, мы уже дважды меняли ваше местонахождение.

– И каждый раз это была ваша инициатива... – В клубах дыма трудно было различить выражение лица женщины.

– Я делаю все, чтобы защитить вас, – вежливо напомнил Идрис.

– Не нужно лицемерить, – поморщилась она, – вы делаете все, чтобы мы поскорее закончили свою работу и передали вам наши результаты. Вы защищаете не меня и не моих сотрудников, а собственное дело.

Эта женщина никого и ничего не боялась. После смерти своего сына она перестала бояться – ведь самое страшное, что могло случиться, уже произошло.

– Да, – сдержанно согласился Идрис, – мы защищаем собственное дело. И рассчитываем на вас и ваших людей.

Она потушила сигарету, достала вторую. Снова щелкнула зажигалкой.

– Даже сигареты, которые вы курите, тоже должны быть куплены через нас, – жестко сказал Идрис, – ведь ваши бывшие сослуживцы могут вспомнить, какой сорт сигарет вы любили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.